

Джуд Деверо
Истинная любовь
Серия «Невесты из Нантакета», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6737775
Истинная любовь: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-081431-2

Аннотация

Неизвестная дама завещала Аликс Мэдсен право свободно распоряжаться в течение года старинным имением Кингсли-Хаус, и девушка намерена устроить там роскошную свадьбу лучшей подруги.

Однако неожиданно для себя Аликс оказывается вовлечена в череду пугающих, таинственных и романтических событий; ее единственным спутником и защитником становится загадочный и обаятельный архитектор Джаред Монтгомери – настоящий мужчина, страстно влюбившийся в нее с первого взгляда...

Он словно ангел-хранитель оберегает Аликс. Но почему же ей кажется, что и Джареду есть что скрывать?...

Первая часть трилогии о женщинах с острова Нантакет.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	17
Глава 2	33
Глава 3	38
Глава 4	49
Глава 5	59
Глава 6	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Джуд Деверо

Истинная любовь

Роман

«Истинная любовь» – произведение вымышленное. Все имена, названия, характеры персонажей и описанные в романе события – плод фантазии автора. Всякое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, либо с подлинными фактами – случайно.

Пролог

Виктория

Муж очаровательной Виктории Мэдсен застал ее в постели с любовником, оказавшимся вдобавок его деловым партнером. Виктория решила переждать бурю – покинуть город и затаиться, пока шум не уляжется. Забрав с собой четырехлетнюю дочку Аликс, она отправилась на остров Нантакет, о котором много слышала, хотя никогда прежде там не бывала.

Поскольку Виктория истратила на путешествие все свои наличные деньги, пользоваться кредитками не могла и никакой профессией не владела, ей пришлось устроиться домашней работницей с проживанием (уборщицей и кухаркой) к мисс Аделаиде Кингсли, пожилой женщине, жившей в старинном особняке неподалеку от главной улицы городка. Однако домашняя работница из Виктории вышла никудышная, а ее кулинарные таланты сводились к приготовлению сэндвичей с арахисовым маслом и джемом.

Аделаида терпела Викторию из-за малышки Аликс, к которой искренне привязалась. Девочка заменила бездетной женщине внучку, вместе они проводили целые дни. Аделаида красиво наряжала Аликс и повсюду водила с собой, знакомя с жителями острова. По примеру племянников и племянниц мисс Кингсли малышка вскоре стала звать ее тетей Адди.

Виктория проводила время, читая глянцевого журналы и флиртуя с мужчинами городка. Как-то раз, когда Аделаида с Аликс вышли на прогулку, она, неловко повернувшись, случайно опрокинула старинный шкаф и обнаружила за ним собрание дневников Кингсли, спрятанное в стенной нише. На Нантакете ходили слухи об этих записках, но никто из посторонних до сих пор их не видел. С 1742 года в семье Кингсли бытовала традиция: женщины – жены, дочери, сестры – вели дневники, в которых описывали все события своей жизни. Как гласило предание, они не упускали ни единой мелочи,веря бумаге все, от любовных забав до скандалов и секретов, известных лишь им одним.

Виктория начала читать записки с самого начала, с трудом разбирая архаичный язык, незнакомые старинные обороты речи. Осилев первый дневник, она принялась излагать его содержание своими словами. Виктория сохранила основную фабулу – историю жизни Марты Кингсли, повесть о ее браке с нелюбимым мужем и о долгой связи с другим мужчиной, которого та страстно любила. Таким же голубоглазым, как ее возлюбленный, был и младший из трех детей Марты.

Виктория писала днями и ночами, предоставив Аделаиду с Аликс самим себе. Уйдя с головой в писательство, она не обращала внимания на то, что ее дочь часто упоминает имя некоего Калеба. Это имя не сходило у девочки с языка. Аликс постоянно рассказывала, что

Калеб сделал или сказал, но мать, увлеченная перипетиями судьбы Марты Кингсли, ни разу не спросила, кто же такой Калеб.

Закончив книгу, Виктория отослала ее в издательство. Месяц спустя пришел ответ. Ей предложили опубликовать рукопись, посулив весьма солидный гонорар, а заодно поинтересовались, не хочет ли она продолжить писать.

К тому времени миссис Мэдсен успела прочитать второй дневник, принадлежавший Джулии Кингсли, так что у нее созрел замысел нового романа.

Одаренность – вещь загадочная. Всеобъемлющий талант – знаменитый «человек Возрождения», которому все подвластно, – явление крайне редкое. Что же до Виктории, то она неплохо умела писать. Могла взглянуть на фотографию и изобразить увиденное с таким глубоким чувством, что возникало впечатление, будто она сама пережила описанные события. Но выдумать сюжет ей не удавалось. Взяв чистый лист бумаги, заполнить его вымышленными событиями и лицами было ей не под силу.

Однако ее способностей хватило на то, чтобы пересказать дневники Кингсли современным языком, превратив их в увлекательнейшее чтение. Опустив скучные подробности относительно заготовки солений и маринадов, она сразу перешла к драматичным, волнующим жизненным коллизиям. «Дайте мне сюжет в сотню слов, и я сделаю из него роман в сто тысяч слов длиной», – с полным правом могла бы сказать Виктория.

После того как ее книгу согласились напечатать, Виктория стала смотреть на себя другими глазами, будто открыла заново. С мужем она развелась, хотя и не без сожаления, но терпеть его укоризненные взгляды и выслушивать упреки было свыше ее сил. Бывшие супруги разделили опеку над дочерью.

Покинув Нантакет, Виктория решительно вычеркнула остров из своей биографии. Работа уборщицей не соответствовала ее новому имиджу. Новоявленная писательница предпочла подправить собственную биографию. Жизнь матери-одиночки в тихом пригороде на севере штата Нью-Йорк больше подходила к создаваемому ею образу.

Однако когда ее первый роман появился на всех книжных прилавках, Викторию охватил страх. Записки далеких предков Аделаиды, дополненные яркими историческими образами и картинками, оказались выставлены на всеобщее обозрение. Похищенная история увидела свет.

Была и еще одна сложность. Виктория больше не имела доступа к дневникам Кингсли, а сама, сколько ни старалась, так и не смогла сочинить сюжет для третьей книги. Ей нужно было подобраться к дневникам во что бы то ни стало. Но как? Она хорошо понимала: даже если старуха не видела романа, завоевать вновь ее доверие будет непросто. Викторию ожидал холодный прием, ведь она разлучила Аделаиду с Аликс, несмотря на их слезы и мольбы.

Вскоре мучивший писательницу вопрос, прочла ли Аделаида книгу, прояснился: мисс Кингсли пригрозила Виктории судебным иском за плагиат.

Виктория почувствовала, что лучезарное будущее ускользает от нее. Однако покорно сидеть и ждать было не в ее характере. Отослав Аликс к отцу, она без приглашения явилась к мисс Кингсли. По пути к Нантакету Виктория старательно репетировала сцену со слезами и извинениями. В финале она собиралась объяснить главное: ей необходимо заполучить все дневники и скопировать каждую страницу.

Но разговор с Аделаидой пошел вовсе не по задуманному Викторией сценарию. Мисс Кингсли уже знала, что ее бывшая домработница нашла дневники и воспользовалась ими, чтобы написать роман. К удивлению Виктории, она предложила сделку. Аделаида не станет обращаться в суд и разрушать блестящую карьеру начинающей писательницы, если та обязуется выплачивать ей солидный процент от своих будущих доходов. В дальнейшем мисс Кингсли позволит Виктории проводить один месяц в году в ее доме за чтением дневников, но не всех разом, а поочередно. Тетради нельзя будет ни выносить из дома, ни копировать.

Осведомленность Аделаиды в литературных делах и жесткость ее требований ошеломили Викторину. Писательница заподозрила было, что мисс Кингсли воспользовалась чьим-то советом, но пожилая женщина уверила ее в обратном. «Я не говорила об этом ни одной живой душе», – торжественно поклялась она, лукаво улыбаясь, будто скрывая какой-то секрет. Аделаида глядела в пространство слева от Виктории, словно ожидала от кого-то одобрения и поддержки. Но, кроме двух женщин, в доме никого не было.

В конечном счете Виктория согласилась на все условия, ведь, по правде говоря, выбирать ей не приходилось.

И хотя в основе их дружбы лежали шантаж, вымогательство и плагиат, в последующие двадцать с лишним лет Виктория и Аделаида искренне привязались друг к другу. Возможно, именно несходство характеров помогло им сблизиться. Во время своих ежегодных поездок на остров, длившихся месяц, Виктория проводила утренние часы в тиши кабинета, работая над очередным романом. Затем, пообедав вместе с Аделаидой, она возвращалась к писательским трудам, а после четырех начиналось веселье. Зная всех жителей острова Аделаида, или Адди, как вскоре стала звать ее Виктория, каждый день приглашала кого-то к чаю или на коктейль. За этим следовало приглашение на ужин, и дом наполнялся смехом. Викторину повсюду сопровождало радостное оживление. Одиннадцать месяцев в году в Кингсли-Хаусе проходили собрания благотворительного комитета Адди, но в августе, когда Аликс оставалась с отцом, а Виктория отправлялась на остров Нантакет, в старом доме кипело веселье, гремела музыка, шли танцы.

Но при всей любви Виктории к развлечениям она ревниво оберегала свой секрет, заботясь о том, чтобы ни ее читатели, ни издатель, ни друзья за пределами острова и в особенности дочь не проведали, что ее знаменитые романы как-то связаны с Нантакетом или с семейством Кингсли. В книгах она изменила имена всех героев и название городка. В романах рассказывалось о семье моряков в Новой Англии, но на этом сходство заканчивалось.

Шли годы, Аликс выросла, а известность Виктории Мэдсен все росла. Не одно поколение читателей восхищалось ее книгами, с нетерпением ожидая продолжения полюбившейся всем истории знаменитой семьи. Восторженные поклонники саги жадно следили за перипетиями сюжета, узнавая о любовях, смертях, победах и трагедиях якобы выдуманного Викторией семейства, давно ставшего им близким и родным.

Но, дойдя до того года, когда мать Адди скончалась, предоставив дочери продолжить семейную хронику, Виктория вынуждена была прервать работу. Наступила современная эпоха, никого из рода Кингсли уже не осталось на острове, и некому было изо дня в день вести дневник. Потомки Марты рассеялись по земле. Большинство из них даже не знали, что состоят в родстве с Кингсли с острова Нантакет.

Среди тетрадей, спрятанных в нише за старинным шкафом, не было дневника Адди, но это не имело значения. За годы дружбы с мисс Кингсли Виктория убедилась, что для романиста однообразная и скучная до полного отупения жизнь Аделаиды не представляла ни малейшего интереса. Впрочем, в пятидесятые годы Адди встречалась с молодым человеком, но они так и не поженились. Когда Виктория поинтересовалась почему, Аделаида лишь пожалала плечами. «Мы не подходили друг другу», – только и сказала она, глотнув, как обычно, рома перед сном. Мысль Виктории забуксовала, завязнув в унылой рутине. Что бы такое написать, перенеся действие саги в двадцать первый век? Возможно, Адди так и осталась девственницей, и хотя, занимаясь благотворительностью, она сделала людям немало добра, в ее жизни не произошло ничего примечательного, что могло бы послужить сюжетом для романа. Виктория искренне недоумевала, как случилось, что именно эта добропорядочная старая дева оказалась потомком великолепных мятежных женщин, чья яркая, полная тревог жизнь занимала весь мир.

Как-то раз, когда они с Адди коротали вечер вдвоем, Виктория вновь услышала о Калебе. Если у такой беспорочной праведницы, как Аделаида Кингсли, и был изъян, то это разве что пристрастие к рому. Ей особенно нравился самый крепкий сорт, от которого большинство людей пьянело после первого же глотка. Адди не любила пить в одиночестве, и Виктория, не разделявшая ее слабости к пиратскому напитку, потягивала белое вино.

– Я ужасно обошлась с Калебом, – призналась Адди. Глаза ее наполнились слезами.

Виктория наострила уши, почуяв запах скандала.

– Что же ты такого сделала?

– Я держала его здесь.

Энтузиазм писательницы тотчас увял.

– И это все? – Она подождала, пока Адди нальет себе еще рома. – Должно быть, ты совершила что-то похуже?

– Ты не понимаешь, – вздохнула Адди. – Я одна из женщин, способных его видеть. Ни один мужчина в нашей семье не мог. Мне следовало помочь ему. Аликс говорила, что я должна, но мне не хватило духу. Я была слишком эгоистична, слишком...

– Аликс? Кто это?

– Твоя дочь, – сердито проворчала Адди. – Только не говори, что ты так забросила это бедное дитя, что даже не помнишь о ней. Мне было ужасно жалко ее, когда ты работала на меня. Такая милая, умная, прелестная девочка, а ты только и знала, что обманывала всех кругом, читая старые дневники...

– Моя дочь?! Но она была здесь в последний раз в четырехлетнем возрасте, а ты говоришь, что Аликс просила тебя... – Виктория толком не поняла, что пыталась сказать Адди. – Кто такой этот Калеб?

– Единственный мужчина, с которым я когда-либо жила.

– Вот так раз, – озадаченно протянула Виктория. – Не знала, что ты была замужем.

– Чего не было, того не было, – рассмеялась Адди. – Иногда мне случалось приятно провести время, если ты понимаешь, о чем я, но потом у меня появился Калеб, и физическая сторона отношений с мужчинами перестала меня занимать. Понимаешь, он не может покинуть этот дом, а поскольку в Калебе я нашла друга, мне не было нужды выходить замуж. Кому нужен мужчина, который вечно околачивался бы рядом?

Виктория недоуменно нахмурилась.

– Ты открыто жила с ним, но не вышла замуж, это случилось много лет назад... и моя дочь говорила с тобой о нем?

– Ну да. Ведь Аликс могла видеть Калеба. Они часто играли в шашки, хотя девочке приходилось передвигать их за него. Шашки выскальзывали у него из пальцев. – Адди бросила лукавый взгляд в пространство слева от Виктории и хихикнула.

Виктория обернулась, но, никого не увидев, перевела взгляд на Адди. Она начала наконец понимать.

– Когда умер Калеб? – спросила она, откидываясь на спинку кресла.

– В 1811-м, – отозвалась Адди, а потом, будто к чему-то прислушавшись, поправилась: – Нет. Калеб напомнил мне, что это случилось в 1809-м. Он оставил свой корабль, чтобы вернуться домой к женщине, которую любил, и к их сыну, но не смог. Второе судно пошло ко дну. Если б он остался на первом корабле, то не погиб бы. Однако тогда мы бы так и не встретились. Это ли не ирония судьбы?

– Да, – тихо произнесла Виктория. Оказалось, что жизнь Адди вовсе не так скучна. – Расскажи мне, – прошептала она, от волнения едва справляясь с голосом. – Расскажи мне все о себе и об этом... Калебе. И о моей дочери, – добавила Виктория, чувствуя, как из груди наружу рвется смех. Поддавшись внезапному порыву, она налила себе немного рома,

затем быстро повернулась и подняла бокал, приветствуя пустое кресло, стоявшее позади. С радостной улыбкой она посмотрела на Адди. – Он красив?

– О да, – кивнула Адди, блестя глазами, словно двадцатилетняя девушка. – Очень красив. Отсюда львиная доля его проблем. Женщины не могли перед ним устоять. И Валентина не исключение.

– Валентина? – взволнованно выдохнула Виктория. – Расскажи мне о ней. Это та самая женщина, которую он любил? Но прежде расскажи о нем, о Калебе, о мужчине, что погиб, пытаясь вернуться к своей возлюбленной. Я хочу знать об этом все. Какой замечательный сюжет!

Адди рассмеялась.

– Думаешь, я не понимаю, к чему ты клонишь? Тебе нужны мои дневники, в них я описала всю свою жизнь с Калемом. День за днем. И знаешь что?

– Что? – едва дыша, спросила Виктория.

– Я единственная, кто написал о Калебе.

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что все эти женщины из рода Кингсли, о которых ты рассказала, получив за это кучу денег...

– Этими деньгами я поделилась с тобой, – не удержавшись, ввернула писательница, выразительно поднимая глаза к потолку. Прошлым летом благодаря книгам Виктории Адди заменила крышу старого дома.

– Да, это верно... Но как бы то ни было, тебе представлялась захватывающе интересной их жизнь, прыжки из постели в постель да пара убийств. А между тем все женщины из рода Кингсли строго оберегали свой главный секрет.

– Ты говоришь о Калебе, – догадалась Виктория.

– Да, именно о нем.

– Ты не разыгрываешь меня? Ты действительно написала о нем?

– О каждом дне, проведенном с ним. – Адди усмехнулась, довольная собой. – А ты небось думала, будто моя жизнь так уныла и скучна, что о ней и рассказать нечего.

Виктория попыталась было возразить, но потом, откинувшись на спинку кресла, от души рассмеялась.

Адди посмотрела куда-то в дальний конец комнаты, пожилое лицо ее сморщилось.

– Он сейчас здесь? – спросила Виктория.

– Да. – Адди заговорщически подмигнула. – Ты ему нравишься. И всегда нравилась. Может быть, из-за Аликс. Они были добрыми друзьями, пока ты не увезла ее. Мою единственную внучку. Мы с Аликс...

Виктория все это уже слышала. Ей часто приходилось выслушивать упреки Аделаиды, уверенной, что писательница забросила свою дочь. Собственно, во время работы над первой книгой так и было. Но потом Аликс стала смыслом жизни Виктории. Писательство и Аликс. Мужчины появлялись и исчезали, а любимая девочка занимала главное место в ее сердце.

– Да-да, я знаю, – нетерпеливо пробормотала романистка, не желая вновь затевать бессмысленный спор. – Я понятия не имела, что ты ведешь дневник. И где же он?

– Я исписала не одну тетрадь, – с гордостью призналась Адди. – Целую стопку. У тебя уйдут годы, чтобы прочитать их. Мы с Калемом пережили немало приключений. И чего я только не вытворяла ради Калеба все эти годы!

– Когда же я начну читать? – Виктория старалась не выдать охватившего ее волнения, но Адди его уловила.

– Думаю... это возможно... – Она вновь бросила взгляд в дальний конец комнаты. – Калек показывает два пальца. Это недели, месяцы или годы? – откровенно забавляясь, спросила Аделаида.

Виктория почувствовала, как волосы у нее на затылке встали дыбом. Если бы час назад кто-то спросил у нее, верит ли она в призраков, Виктория только рассмеялась бы в ответ. Но верила она или не верила, одно не вызывало сомнений: Адди предлагала ей чудесную историю.

– Дни, – торопливо отозвалась писательница. – Калев хочет сказать, что ты дашь мне дневники через два дня. Мне придется взять их...

– Калев говорит «нет».

Виктория недоверчиво прищурилась.

– И ты позволишь привидению принять за тебя решение?

– О да, – кивнула Адди. – Вдобавок Калев на редкость проникателен. Это он предостерег меня, что Эдвин, мужчина, за которого я собиралась выйти замуж, хочет лишь пополучить деньги моей семьи, а сам крутит любовь с той кошмарной девицей, Лоренс. Поначалу я не поверила Калебу, но он устроил так, что я застгла их вместе. – Адди задумчиво улыбнулась. – Потом Калев растолковал мне, как забрать у брата и спасти этот дом, до того обветшавший, что крыша едва не провалилась. А еще ему пришла в голову мысль продавать «Мыло Кингсли», хотя ты, кажется, об этом писала, верно? Ты просто не упомянула о роли, которую сыграли в той истории мы с Калевом.

Виктория изумленно округлила глаза.

– Выходит, все эти годы ты жила здесь... с призраком?

Адди осушила бокал, кивнула и медленно поднялась. Всегда деятельная и энергичная, она обычно выглядела моложе своих лет, но сейчас казалась древней старухой.

– Калев говорит, мне пора в постель. Завтра мы обсудим, что делать с моими дневниками. Я хранила их отдельно, потому что не хотела мешать с остальными записками, в которых трусливо умолчала о Калеве. Они спрятаны в таком месте, где никто не сможет их найти. – Шагнув к двери, Адди пошатнулась и ухватилась за стену, чтобы не упасть.

Виктория, вскочив, поспешила ей помочь, но Аделаида добродушно отмахнулась.

– Нет, нет, сегодня я обойдусь без твоей помощи. Мне нужен только Калев. Мы с тобой увидимся завтра, тогда и решим, как быть с дневниками. – Глаза Адди сверкнули, как два черных алмаза. – Мои записки намного более... захватывающие, чем те, что ты читала прежде.

Она принялась подниматься по лестнице, цепляясь за перила, все еще улыбаясь кому-то невидимому. Лицо ее светилось такой преданной любовью и нежностью, что на мгновение Виктории показалось, будто перед ней не пожилая женщина, а та юная девушка, которую звали когда-то Адди.

Вернувшись в гостиную, где она оставила свой портативный компьютер, Виктория начала записывать все, что слышала, дополняя рассказ вымышленными подробностями. С каждым словом ее все больше охватывало волнение. Она чувствовала: эта книга станет ее лучшим творением! В последние годы ее романы стали продаваться хуже, интерес к ним начал увядать. Сказать по правде, продажи упали катастрофически. Но новая книга должна была все исправить, принести солидный доход.

Наступил рассвет, а Виктория все писала. Она только однажды ненадолго прервалась, чтобы сделать себе сэндвич, но успела съесть лишь половину, как ее вновь осенило вдохновение, и пришлось спешить обратно к компьютеру.

В полдень она поняла, что не может больше продолжать. Закрыв лэптоп, она поднялась в спальню, где ночевала все эти годы, приезжая в Кингсли-Хаус. Дверь в комнату Адди была закрыта. «Бедняжка, – с улыбкой подумала Виктория. – Пусть подольше поспит».

Виктория рухнула на кровать, прижимая к себе компьютер, словно плюшевого мишку, и тотчас заснула. Ее разбудили голоса. За окном уже сгустились сумерки, ее мучили голод и слабость.

Отбросив волосы с глаз, она в обнимку с ноутбуком нетвердой походкой вышла в холл. Там стояли трое незнакомцев: две женщины и молодой человек; одетые в строгие костюмы, они держались официально.

– Что случилось? – спросила Виктория.

Все трое удивленно посмотрели на нее, не ожидая увидеть гостью в доме Адди. Потом молодой человек начальственного вида твердо взял Викторию за локоть и подвел к лестнице.

Она резко вырвалась.

– Я хочу знать, в чем дело!

Мужчина нерешительно замер.

– Мисс Аделаида Кингсли скончалась.

– Что?

– Сегодня днем в дом пришли несколько женщин, приглашенных к чаю, и нашли ее в постели. Она умерла во сне, тихо. Даже с улыбкой.

Виктория неподвижно уставилась перед собой невидящим взглядом. Адди умерла? Давняя подруга, с которой связано столько воспоминаний. Больше не будет обедов, ужинов вдвоем и тех захватывающих, счастливых часов, когда Виктория читала Аделаиде вслух историю семьи Кингсли, а та восхищенно слушала.

«Конечно, я немного приукрасила правду», – говорила Виктория, пересказывая Адди фабулу очередного романа во время обеда в одном из городских рестораников.

Внимательно обдумав услышанное, Адди отвечала что-нибудь вроде: «Возможно, если б она сбежала и укрылась в Сконсете, вышло бы романтичнее».

«Какая удачная мысль», – радовалась Виктория, а затем меняла сюжет, воспользовавшись предложением Адди.

– Нет, она не могла умереть! – прошептала Виктория и, отвернувшись от молодого человека с командирскими повадками, направилась в спальню Адди.

Мужчина поймал ее за руку. Его застывшее лицо казалось холодным, безжалостным.

– Я сожалею о вашей потере, но мы представляем юридическую фирму мисс Кингсли в Бостоне, и нам были даны строжайшие инструкции. Лишь нескольким лицам дозволено оставаться в доме, пока не будет оглашено завещание. – В глазах молодого человека ясно читалось, что Виктория не принадлежит к числу избранных.

– Но... – начала было она, вскинув голову, и вдруг осеклась. Дневники! Ей нужны были дневники Адди, в которых рассказывалось о призраке. Без них она не могла написать свой следующий роман. – Мисс Кингсли говорила мне... – Виктория окинула взглядом каменные лица трех законников, стоявших у входа в спальню Адди. Что она могла им сказать? Что ей нужно обыскать дом, возможно, с ломом в руках, чтобы найти спрятанные дневники Аделаиды?

– Я понимаю ваше горе, – произнес молодой человек, хотя выражение его лица вовсе не свидетельствовало об этом. – Мы все разделяем его. Мисс Кингсли пользовалась всеобщей любовью, но мы должны считаться с ее пожеланиями. В этом доме есть весьма ценные предметы искусства, их следует защитить.

С колотящимся сердцем Виктория оглядела холл, словно видела его впервые. Повсюду на столах и на стенах красовались изумительные старинные безделушки из морских раковин и кости – сокровища, привезенные моряками из дальних странствий. Здесь были и картины в золоченых рамах, и драгоценный фарфор, и мебель восемнадцатого века. Виктории захотелось крикнуть, что ее не интересует весь этот древний хлам. Ей нужны лишь никчемные дневники, даже не старинные. Но неумолимое трио хмуρο сверлило ее взглядом.

– Да, конечно, я уйду, – пробормотала она, послушно спускаясь по лестнице, однако, сделав несколько шагов, вдруг обернулась, чтобы бросить последний взгляд на знакомый холл. Никогда больше не придется ей сидеть здесь вечером с подругой.

– Если вы подождете внизу, мы уложим ваши вещи и отвезем вас в отель. – В голосе молодого человека звучала едва ли не угроза.

Виктории оставалось лишь кивнуть. Слезы жгли ей глаза. У подножия лестницы она остановилась, ее вдруг охватил гнев. Если Калек существовал, то он, похоже, знал, что Адди вот-вот умрет. Желая выплеснуть душившую ее ярость, Виктория произнесла вслух: «Так что же означали два поднятых пальца? Что Адди осталось жить два часа?»

Позади нее раздался мужской смех, звучный, басистый, но, обернувшись, Виктория никого не увидела. Прижимая к груди лэптоп, она обхватила себя за локти, чтобы сдержать дрожь. Кожа ее покрылась мурашками. Потом, понуро опустив плечи, Виктория вышла за порог и села на ступеньку крыльца.

Джаред

– Она приезжает в пятницу, – сообщил Джаред в ответ на вопрос деда. – Я попрошу кого-нибудь встретить ее на пристани. Может, Лонни. Нет, лучше Уэса. Он мне кое-чем обязан – я разработал для него проект гаража. – Джаред раздраженно потер ладонью лицо. – Если никто ее не встретит, она наверняка потеряется. Забредет в какой-нибудь переулок, и мы никогда ее больше не увидим.

– Ты всегда отличался слишком буйным воображением, – снисходительно заметил дед. – Но, может, на сей раз тебе следует умерить свою фантазию и проявить больше доброты? Или ваше поколение считает, что этот товар безнадежно устарел?

– Больше доброты? – фыркнул Джаред, стараясь сдержать злость. – Эта женщина собирается захватить мой дом на целый год. Мой дом. И с какой стати? Потому что ребенком она видела привидение. Вот так история! У меня конфискуют дом, поскольку теперь, сделавшись взрослой, она, возможно, способна видеть то, что недоступно другим. – В голосе Джареда слышалось негодование.

– Здесь все не так просто, и тебе это известно, – спокойно возразил дед.

– Ну да. Как я мог забыть великую тайну Кингсли! Двухсотлетняя загадка, проклятие, которое преследует нашу семью с тех пор, как...

– Двести два.

– Что?

– Загадка остается неразгаданной вот уже двести два года. – Дед поднялся и, заложив руки за спину, выглянул в окно. – Возможно, тайну не удалось раскрыть, потому что никто толком и не пытался. Никто не стремился найти... ее.

Джаред на мгновение закрыл глаза. Его двоюродная бабушка Адди умерла прошлым летом, и всю зиму пришлось разбираться с оставленным ею нелепым завещанием. Согласно воле покойной, молодая женщина Аликс Мэдсен, которая побывала в доме Адди в четырехлетнем возрасте и с тех пор не появлялась на острове, должна была прожить год в Кингсли-Хаусе и за это время разгадать семейную тайну, если, конечно, пожелает. В завещании тетушки Адди ясно говорилось, что девушке вовсе не обязательно заниматься расследованием. Напротив, она вольна проводить время, катаясь под парусом, любуясь китами или развлекаясь на иной манер, как ей заблагорассудится, благо островитяне выдумали великое множество забав, чтобы занимать несметные полчища туристов, наводнявшие Нантакет каждое лето.

Джаред перевел дыхание. Возможно, ему следовало слегка сбавить обороты.

– Не понимаю, почему это дело поручили какой-то чужачке. На острове полно исследователей, любителей тайн. Стоит бросить гарпун, и ты непременно зацепишь кого-то, чья семья живет здесь уже долгие века. Наверняка один из них... – Укоризненный взгляд деда заставил Джареда придержать язык. Все эти доводы высказывались уже не раз. – Твоя пози-

ция мне известна, – вздохнул Джаред. – Переждать год, потом она уедет отсюда, и жизнь вернется в привычное русло. Я смогу привести семью в этот дом.

– Но, возможно, за это время мы узнаем, что случилось с Валентиной, – тихо произнес дед.

Джаред раздражалось, что он не может обуздать гнев, когда старик держится так спокойно. Но он хорошо знал, как вести с ним разговор.

– Расскажи-ка мне еще раз, почему дорогая тетя Адди не искала ее.

Красивое лицо деда тотчас исказилось гневом, потемнело, как море перед штормом. Старик расправил плечи и выпятил грудь, словно стоял на капитанском мостике, готовясь отдать приказ матросам.

– Трусость! – проревел он. Когда-то этот грозный рык наводил ужас на корабельную команду. Но Джаред и бровью не повел, он слышал громовые раскаты дедова голоса всю свою жизнь. – Жалкая трусость, которую она унаследовала от той мямли, что стала женой ее отца. Я говорил ему, чтобы он не женился на этой мокрой курице, да он меня не послушал, и посмотри, что из этого вышло. Аделаида боялась того, что могло случиться, узнай она правду.

– Боялась, что ее обожаемый призрак вдруг исчезнет, оставив бедняжку одну в этом огромном древнем доме, – усмехнулся Джаред. – У старой девы осталось лишь несколько родственников, которым она могла доверять, да друзья, охотившиеся за ее мифическими деньгами. Фамильным состоянием, якобы доставшимся ей от «Мыла Кингсли». Но мы-то знаем правду, не так ли?

Дед отвернулся от окна.

– Ты еще хуже своего отца. Совсем не уважаешь старших. Ты должен знать: это я подсказал Аделаиде упомянуть в завещании девушку.

– Ну разумеется. А со мной никто не посоветовался. Много чести.

– Мы знали, что ты скажешь «нет», так зачем спрашивать? – Джаред не нашелся с ответом, и дед, повернув голову, встретил его взгляд. – Чему ты улыбаешься?

– Ты надеешься, что эта девушка увлечется романтической историей о призраке Кингсли, верно? Вот что у тебя на уме.

– Ничего подобного! Она пользуется этим, как его... всемирным... напомни...

– Что толку меня спрашивать? Со мной ведь никто не советуется.

– Пауки... нет, не то. Паутина. Да-да, она знакома с Всемирной паутиной и может посмотреть там.

– К твоему сведению, я тоже пользуюсь Интернетом и уверяю тебя, там нет ничего о Валентине Монтгомери, которую ты ищешь.

– Это случилось давным-давно. До появления Паутины...

Джаред поднялся со стула и, подойдя к окну, встал рядом с дедом. Наступил апрель, и на острове начали понемногу появляться туристы. Они так же разительно отличались от жителей Нантакета, как дельфины от китов. Забавно было наблюдать, как приезжие женщины ковыляют по мощеным улочкам городка на своих высоченных каблуках.

– Как эта девчонка сумеет отыскать то, что не удалось найти нам? – тихо спросил Джаред. – Ерунда какая-то.

– Не знаю. Просто у меня предчувствие.

Джаред понимал, что дед лукавит или что-то скрывает. Однако опыт подсказывал ему: выяснить правду все равно не удастся. Старик будет молчать. Наверняка имелись и другие причины, почему Кингсли-Хаус отдали во владение Аликс Мэдсен на целый год.

И все же Джаред не собирался сдаваться.

– Тебе не все известно о ней.

– Так расскажи мне.

– Я разговаривал с ее отцом на прошлой неделе. Он сказал, что дела у его дочери обстоят неважно.

– То есть?

– Она собиралась выйти замуж, но недавно помолвка расстроилась.

– Понятно, – кивнул дед. – И теперь ты думаешь, что эта девушка похожа на Аделаиду, поскольку та тоже потеряла жениха?

Джареду все труднее становилось сдерживать раздражение.

– Ты меня не слушаешь. Аликс Мэдсен только что расторгла помолвку. Ты ведь понимаешь, что это означает? Теперь она глубоко несчастна, обливается слезами, набивает рот шоколадом и вдруг видит...

– Привидение.

– Да. Высокого красавца, вечно молодого, галантного, очаровательного мужчину. Она непременно влюбится.

– Ты так думаешь?

– Это не шутка, – заметил Джаред. – Что ее ждет? Она станет еще одной женщиной, променявшей настоящую жизнь на бессмысленную, пустую затею.

Старик нахмурился.

– Аделаида никогда не стремилась выйти замуж, и ее жизнь вовсе не была пустой. Зачем зря говорить?

– Если ты считаешь, что четыре торжественных чаепития в неделю способны придать жизни смысл, то тетя Адди жила весьма насыщенной жизнью. – Дед метнул на внука взгляд, полный ярости. – Ладно. – Джаред поднял обе руки, будто сдаваясь на милость победителя. – Положим, я загнул насчет тети Адди. Ты ведь знаешь, как сильно я ее любил. Все жители острова боготворили ее, и это благодаря моей дорогой тете, ее упорному труду, Нантакет стал таким, каким мы его знаем. – Джаред глубоко вздохнул. – Но дело в том, что эта девушка другая. Не из нашей семьи. Она не привыкла к призракам, семейным тайнам и старинным легендам. Более того, ей в новинку скрипучие старые дома, да и острова, где можно купить пиджак за тысячу долларов, но ни в одном магазине не найдешь хлопкового белья.

– Она справится. – Дед улыбнулся внуку. – Почему бы, кстати, тебе не помочь ей?

На лице Джареда мелькнул испуг.

– Тебе известно, чем она занимается и чего захочет от меня.

– Расскажи-ка мне еще раз.

– Ты знаешь, она учится... на...

– Ну говори же, мой мальчик! – прикрикнул старик. – Кем она хочет стать? Открой великую тайну.

– Архитектором.

Дед и раньше слышал, что девочка изучает архитектуру, но не понимал, почему любое упоминание об этом так раздражает Джареда.

– Разве ты не тем же занимаешься?

– Да, – признал Джаред, – совершенно верно. Но у меня свое бюро. Я...

– О, я понимаю, – протянул дед. – Ты капитан, а она всего лишь юнга. Она захочет многому у тебя научиться. Что же здесь плохого?

– Вряд ли тебя стоит в это посвящать, но сейчас для нашего дела настали не лучшие времена. Рынок жилья переживает спад. Больше всего кризис ударил по архитекторам. Работу найти невозможно. Недавние выпускники университетов отчаянно бьются за место под солнцем. Они мечутся, как акулы, готовые пожрать друг друга.

– Так помоги ей набраться опыта, – сердито проворчал дед. – В конце концов ты обязан ее отцу тем...

– Да, я так и собирался поступить, – поспешно перебил его Джаред. – Но теперь, благодаря сумасбродному завещанию моей тетушки, мисс Мэдсен поселится здесь, на Нантакете, а не в Нью-Йорке, где находится мое бюро. И мне придется целый год заниматься ею персонально.

– И почему это тебя так беспокоит? – недоверчиво нахмурился дед.

Джаред недовольно поморщился.

– Ей захочется, чтобы я ее обучал, взглянул на ее проекты, проанализировал и оценил их. Она попытается разузнать о моих связях, выяснить... все обо мне.

– Не вижу в этом ничего предосудительного.

– Вздор! – сердито воскликнул Джаред. – Не хочу служить наживкой на твоём крючке. Вдобавок мне нравится действовать, а не обучать.

– И какие же великие деяния ты собираешься совершить, пока девушка будет здесь? – с нажимом произнес дед. – Водить вереницу шлюх у нее под окнами?

Джаред устало вздохнул.

– Если в наши дни девушки носят меньше одежды, это вовсе не подразумевает непременный упадок морали. Мы обсуждали это с тобой тысячу раз.

– Ты, наверное, говоришь о прошлой ночи? Как обстоит дело с моралью у твоей вчерашней гостьи? Где ты с ней познакомился?

Джаред страдальчески закатил глаза.

– «У капитана Джонаса». – Так назывался бар возле пристани, тамошние посетители не отличались строгостью нравов и не слишком заботились о соблюдении приличий.

– Боюсь даже спрашивать, каким судном командует этот капитан. Но кто родители этой молодой женщины? Где она выросла? Как ее зовут?

– Понятия не имею, – пожал плечами Джаред. – Бетти или Бекки, точно не помню. Она уехала утренним паромом, но, возможно, еще вернется этим летом.

– Тебе уже тридцать шесть, а у тебя нет ни жены, ни детей. Неужели с твоей кончиной угаснет род Кингсли?

– Лучше так, чем возиться со студенткой, обучая ее азам архитектуры, – не сдержавшись, проворчал Джаред.

Дед презрительно посмотрел на внука сверху вниз, что оказалось не так-то просто, поскольку тот был выше его ростом.

– Едва ли тебе стоит всерьез беспокоиться, что мисс Мэдсен увлечется тобой. Будь жива твоя матушка, эта святая женщина, она не узнала бы теперь собственного сына.

Джаред машинально провел рукой по заросшему бородой подбородку. Когда дед в свое время сказал ему, что тете Адди осталось жить не больше года, Джаред сумел устроить дела своей фирмы так, чтобы провести последние месяцы с нею на острове. Он поселился в домике для гостей, посвящая все свое время двоюродной бабушке. Тетя Адди, неизменно чуткая и внимательная, всегда предупреждала его, когда к ней приходили гости, и Джаред отправлялся на свою лодку. Адди никогда не заговаривала о женщинах, которых иногда приводил к себе ее внучатый племянник. И более того, притворялась, что понятия не имеет, почему он здесь.

В последние недели, проведенные вместе, бабушка и внук многим делились друг с другом. Рассказывая Джареду о своей жизни, Аделаида со временем стала все чаще упоминать о Калебе. Вначале она объяснила внуку, кто это такой.

«Калев – твой пятый прадедушка», – неожиданно выпалила она.

«Так у меня их было пять?» – поддразнивая ее, отозвался Джаред.

Тетя Адди осталась невозмутимо серьезной.

«Нет. Калев твой прапрапрапрадед».

«И он все еще жив?» – поинтересовался внук, прикидываясь непонимающим и вновь наполняя ромом бабушкин бокал. Все женщины из рода Кингсли питали слабость к этому напитку и пили его наравне с мужчинами. «В их жилах течет кровь моряков», – объяснял дед.

Джаред видел, как тетушка слабеет с каждым днем. «Она становится все ближе ко мне», – сказал ему Калеб, остававшийся с Аделаидой каждую ночь. Эти двое прожили вместе много лет. «Я пробыл с ней дольше, чем с остальными», – с горечью произнес дед, и глаза его, не знавшие старости, наполнились слезами. Калебу Кингсли едва сравнялось тридцать три, когда он погиб, и теперь, более двух веков спустя, он по-прежнему выглядел полным сил молодым мужчиной тридцати трех лет от роду.

Ведя доверительные разговоры с тетушкой, Джаред так и не признался ей, что тоже способен видеть своего пятикратного прадеда, говорить с ним и спорить. Мужчины из рода Кингсли обладали этим даром, но скрывали свой секрет от женщин. «Пусть они верят, что Калеб принадлежит им одним, – сказал отец Джареду, когда тот был еще мальчишкой. – Вдобавок мужчине не делает чести, когда о нем болтают, будто он проводит вечера в беседах с давно усопшим. Это равняет нас с бабами. Пускай лучше женщины ломают себе голову, нет ли у тебя связи на стороне». Джареда не вполне убедила отцовская философия, но он не нарушил слова, сохранив семейную тайну. Семь поколений потомков Монтгомери-Кингсли видели призрак Калеба; этот дар унаследовали старшие сыновья рода, большинство их дочерей, а также несколько младших сыновей. Джаред подозревал, что Калеб сам выбирает, кому показываться, но лукавый старик всегда обходил этот вопрос молчанием.

Странно, как посторонняя молодая женщина, некая Аликс Мэдсен, смогла увидеть признак Кингсли. Впрочем, «странно» – это было слабо сказано.

Калеб сурово покосился на внука.

– Тебе нужно сходить к цирюльнику и сбрить эту бороду, к тому же волосы у тебя слишком длинные.

Повернувшись, Джаред взглянул на себя в зеркало. Дед вез товары из Китая, когда его корабль пошел ко дну много лет назад. Джаред понимал, что выглядит не лучшим образом. Со дня смерти тети он почти безвылазно оставался на борту своей лодки. Вот уже несколько месяцев он не брился и не стригся. В его бороде и в длинных, доросших до плеч волосах проглядывала седина.

– Я не похож на себя нью-йоркского, верно? – задумчиво проговорил он.

– Меня не волнует, что ты думаешь, – отрезал Калеб.

Джаред ехидно улыбнулся.

– А я-то надеялся, что ты станешь мной гордиться. Я, в отличие от тебя, не стараюсь влюбить в себя невинную беззащитную девушку. – Это был еще один верный прием, рассчитанный на то, чтобы стереть усмешку с лица Калеба.

Гневная вспышка не заставила себя ждать.

– Я никогда ни одну женщину...

– Знаю, знаю, – проворчал Джаред, сжалившись над красавцем призраком. – Твои побуждения всегда были чисты и благородны. Ты ждешь возвращения женщины, которую любил. Возможно, она явится тебе воплощенной в новом теле. Все эти годы ты хранил верность Валентине. Я все это уже слышал миллион раз. Ты узнаешь ее, как только увидишь, и тогда вы двое, взявшись за руки, скроетесь в лучах заходящего солнца. А значит, либо она умрет, либо ты вернешься к жизни.

Калеб привык к непочтительности и дерзости внука. Он никогда не говорил об этом, но задиристый, неуступчивый потомок чертовски напоминал самого Калеба, когда тот был еще жив. Он хмуро оглядел Джареда.

– Я должен узнать, что случилось с Валентиной, – веско произнес он. Калеб умолчал о том, что у него осталось лишь несколько недель на разгадку тайны. Теперь он знал: срок